

Летом 1963 года трое приятелей-выпускников МАИ (Московского архитектурного института, который позже стал называться МАРХИ), получили распределение в Казахстан, в Усть-Каменогорск, преподавать архитектуру в инженерно-строительном институте. Уже сидели, как говорится, на чемоданах. Плохо ли продолжить почти студенческую жизнь, тем более что им была обещана целевая аспирантура! И вдруг одного из них, а именно Льва Нецветова, разыскал представительный, импозантный мужчина средних лет (это был главный инженер ульяновского «Облпроекта» Николай Николаевич Медведев) и уговорил его вернуться в родной город Ульяновск, где уже два года работали выпускники МАИ Серафим Титов и Валентин Филимонов. «Я сдался без боя, — вспоминает Лев Николаевич, — так как чувствовал угрызения совести, собираясь вновь покинуть родителей после шестилетней разлуки на бог весть какой срок». И он ни разу об этом не пожалел. Большая творческая работа ожидала его в нашем городе. Это было время бурного роста и коллектива «Облпроекта», и стоявших перед ним задач в преддверии грядущего 100-летия со дня рождения В.И. Ленина. Сегодня Лев Николаевич вспоминает о работе сразу с двумя архитектурными мэтрами, украсившими наш город, посвятившими ему свой талант — Александре Ивановиче Бросмане и Николае Николаевиче Медведеве.

Фото Павла Шалагина

Мастера архитектурных решений

Большой реалист и отличный практик

В Ульяновске моим первым местом работы надолго стал «Облпроект», здание которого располагалось на улице Гончарова, 2. Каждый день я поднимался до кабинета Медведева и сворачивал влево, в светлую угловую комнату архитекторов. Главный инженер (не было тогда должности «главный архитектор») Николай Николаевич Медведев был, конечно, на острие всех и кадровых, и производственных вопросов. К тому же он жаждал творческой работы, и ему, воспитаннику «сталинской» архитектурной школы, досталась нелёгкая конкуренция в лице молодой смены. Трудную ломку мировоззрения он выдержал достойно, хотя некоторая

ревность к нашей раскрепощённости и свободе от заветов «советского классицизма» временами ощущалась. В 1964 году нас, «москвичей», стало уже пятеро, и начались столкновения разных концепций. Участвуя в закрытом конкурсе на проект застройки центра Ульяновска, мы с Валентином Филимоновым стали разрабатывать свой отдельный вариант, а Николай Николаевич делал свой, в кабинете, куда старался нас не пускать. Вряд ли это были опасения за кражу его идей: тема была общая, ситуация тоже, и какие-то идеи, разумеется, находились в переключке.

Конечно, Николай Николаевич был куда большим реалистом, чем мы, бредящие полным преображением города. По нашему мнению, он чересчур осторожно тревожил двухэтажную застройку, не давал разгуляться архитектурной фантазии. А он просто хорошо знал возможности строительной индустрии и масштаб бюджетных затрат. И в итоге премию с Моспроектом-2 поделил именно эклектичный, как нам казалось, вариант Медведева. Уже тогда идея эспланады,

идущей от площади Ленина, прошла практически через все семь конкурсных проектов.

Николай Николаевич не подчёркивал своей заслуги в победе ульяновцев, и премию поделили на всех. Никогда не козырял он и фронтовым прошлым (а ведь был в армии с 1941-го по 1946-й!). Я не помню, чтобы он носил награды. Да и наш Титов, почти мальчишкой попавший на фронт, тоже не кичился этим.

Конечно, они были конкуренты! Но один – заведомый начальник дружного, и это добавляло скрытого напряжения в их отношения. А ведь тут ещё подперчивала и лирика! Титова с юности жизнь крепко помотала, наградив чуть за тридцать заметной лысиной. А Медведев был очень, очень импозантен! Если бы ещё и нос чуть более тонкой работы – он был бы вылитый Переверзев, тогдашний кинокумир. Но вернёмся к лирике. Руководителем сантехнической группы была очаровательная Валентина Николаевна Алексеева, этакая сорокалетняя Бриджит Бардо (но брюнетка). И вот весь «Облпроект», ставший вскоре «Ульяновскгражданпроектом», шушукался на тему взаимной симпатии нашей первой красавицы и Медведева. «Он смотрел на неё, как на богиню, – подтвердила П.Г. Заварзина, ныне проректор УлГТУ по строительству. К Алексеевой же был явственно неравнодушен мой ближайший патрон Титов, и сиропы в отношении двух архитекторов это не добавляло.

Борьба в нашей организации шла и за интересные объекты. Помню давний эпизод. Проект реконструкции драмтеатра достался Медведеву, а Титов претендовал на разработку его интерьеров. И вдруг я от кого-то узнаю, что интерьеры Медведев хочет поручить мне, и я уже приглашён на завтра в его кабинет. И хотя объект был безусловно выигрышным и заманчивым, я решил отказаться от этой чести во что бы то ни стало. Хорошо помню, что я туго обмотал палец ниткой, дабы он постоянно напоминал мне о непреклонности принятого решения. И как ни утешал Николай Николаевич меня перспективами и, возможно, комплиментами, я, к его недоумению, был непоколебим. Я остался чист перед Титовым, а интерьеры Медведеву разработал Толя

Мозарчук, выпускник «Мухинки» (ВХПУ им. В.И. Мухиной). Впрочем, Николай Николаевич и сам был не лишён художественной жилки. И в командировки по районам (когда стал главным архитектором области), и во время отпусков он неизменно брал с собою кисти и набор акварельных красок. Не единожды его акварели фигурировали на городских художественных выставках.

Конечно, вся когорта ульяновских архитекторов шестидесятых годов завидовала московским и питерским коллегам, заполучившим права на проектирование самых крупных объектов обновляющегося Ульяновска. Эта ревность, в частности, прорвалась при обсуждении проекта Ленинского мемориала на выездном бюро обкома партии. Николай Николаевич, показывая на разрез здания, сделанный как раз по Ленинскому торжественному залу, выходящему выше кровли с характерным беломраморным завершением, назвал этот высоченный зал «трубой»; на что главный автор Мемориала Б.С. Мезенцев (наверняка успевший приложиться к коньячку) весьма грубо отпарировал: «Это твоё дело, Медведев, труба!» – явно намекая на недостижимость столь престижных проектов.

Много сил и энергии отнимала у Медведева административная работа: начальник областного отдела по делам строительства и архитектуры (1965–1971); главный архитектор города (1971–1978); главный архитектор области (1978–1985). Тем не менее авторский список творений Медведева впечатляет. Обелиск Славы на фоне угловой (первой в городе!) 9-этажной высотки виден уже при въезде в Ульяновск со стороны Волги. Николай Николаевич Медведев – автор и этого жилого здания, и обелиска (в соавторстве с Серафимом Титовым). Он – автор гостиницы «Советская» на площади Ленина, автор проекта реконструкции драмтеатра, автор премированных проектов застройки центра Ульяновска и центра его левобережного района. Архитектурное решение целого ряда памятников в Ульяновске, Димитровграде, в р.п. Николаевка, в с. Ивановка принадлежит ему. Так что звание почётного жителя Ульяновска Николай Николаевич Медведев заслужил безоговорочно!

Добрейший из главных

Не часто воспоминания о людях сопровождаются волной душевного тепла, которое они продолжают излучать, даже уйдя от нас. Таким человеком был Александр Иванович Бросман, старший коллега по моей архитектурной молодости. К моменту моего возвращения в Ульяновск он уже четыре года был главным архитектором города, и, конечно, наши пути часто пересекались. При большом объёме работы ему очень не хватало заместителя, и мне лестно вспоминать, как он зазывал меня на эту должность. «И здоровье у меня не ахти какое...» – полусхоту намекал он на перспективы моего роста, но, пожелав ему самых долгих лет, я вежливо отбрыкивался, так как реальная проектная работа казалась мне (да и была) интереснее.

От Александра Ивановича исходило обаяние мягкой спокойной мудрости: какие бы эмоции ни захлёстывали порой наши молодые горячие головы, он всегда находил некую золотую середину, мудрый компромисс. Полагаю, что недёшево ему давались эта мудрость, спокойный размеренный голос, и неспроста даже в кругу семьи он избегал вспоминать прошлое. Его отец родился в Жмеринке, а учился в Берлинском университете; мать, фельдшер по профессии, была полькой; а сам Саша Бросман появился на свет в 1916 году в Днепропетровске. В 1940 году окончил Киевский инженерно-строительный институт.

Военное лихолетье было сурово к людям с нерусской фамилией – семья Бросманов была выслана в Алтайский край, в Барнаул. С 1943 года он был в трудармии. Детали тех лет неизвестны даже дочери. Да и после войны молодой архитектор не мог ни вернуться в Киев, ни тем паче попасть в Москву. Даже получив разрешение на работу в Ульяновске (сначала в строительном отделе МВД, а потом в

На здании областного УВД, прекрасном образце советской архитектуры 50-х годов, очень не хватает мемориальной таблички с именем его автора – Александра Ивановича Бросмана

Фото Алексея Рыкова

проектной конторе «Облпроект»), он состоял на учёте в КГБ. Тогда по его проекту было построено строгое и гармоничное здание областного УВД и не менее гармоничный квартал жилых домов с симпатичным решением перекрёстка улиц Гагарина – Карла Маркса.

Истовая преданность работе и серьёзный профессионализм сделали своё дело: целое десятилетие (1959–1969) Бросман работал главным архитектором Ульяновска. Следует добавить, что это были годы самого кипучего строительства: началась эпоха сборного домостроения. Мы, молодые архитекторы, еле успевали разрабатывать генпланы новых микрорайонов, растущих в Засвияжье, в Заволжье, в Димитровграде. Естественно, каждый проект обсуждался с Александром Ивановичем. А приближающееся столетие со дня рождения В.И. Ленина загрузило его выше головы. Результаты закрытого конкурса на проект планировки и застройки центра Ульяновска, где наш молодой коллектив выступил на равных с Моспроектом-2 и опередил три других проектных института, требовали серьёзного осмысления и доводки до окончательного решения перед воплощением в жизнь. Этот проект детальной планировки разрабатывался в Москве при непосредственном участии Бросмана.

Потом началась «увязка-утряска» отдельных объектов, проекты которых (здание Мемориала, Дворец

профсоюзов, новый корпус пединститута, Дворец пионеров, детская библиотека, Дом торговли, Дом быта, гостиница «Венец», железнодорожный, авто- и авиавокзалы) разрабатывались в Москве и Ленинграде. Мы, молодёжь, не только присутствовали на всех градостроительных советах, руководимых Александром Ивановичем и посвящённых этим объектам, но и спорили на равных с мэтрами нашей архитектуры к его добродушному удовольствию. О степени его доверия ярко говорит тот факт, что экспертное заключение по проекту здания Мемориала (!) было поручено нам с Валентином Филимоновым. Благодаря этому мы с ним попали на рассмотрение проекта членами бюро Ульяновского обкома во главе с легендарным «бабаем» – Сkochиловым. Запомнилось выступление художавого военного, предупредившего о том, что проект «пляшет» не от той «печки» и Ленин родился в другом здании. Предгорисполкома Крюков сказал: «Товарищ военный, сядьте – мы с вами поговорим в другом месте...». Но в итоге Жорес Трофимов (это был он) победил, и вскоре началась эпопея с перестановками мемориальных домиков, ибо самый ценный из них по проекту попадал под снос. Александру Ивановичу, полагаю, не раз приходилось смягчать трения между весьма самоуверенным Мезенцевым (руководителем авторской группы Мемориала) и нашим всевластным Сkochиловым. Кончилось тем,

что Мезенцев не был даже приглашён на открытие своего детища.

Да и Бросман неожиданно был отстранён от руководства городским управлением по делам архитектуры и строительства с формулировкой «за использование служебного положения в личных целях». Вина его заключалась в том, что он захотел поменять жильё, расположенное в крутом подгорье улицы Шевченко, на квартиру в кооперативном доме на улице Карла Либкнехта. Сильные мира сего не могли тогда допустить, чтобы кто-то, кроме них, мог купить за свои кровные хорошую квартиру. Так и прожили супруги Бросман на улице Шевченко до последнего своего часа.

Работая потом главным архитектором ГПИ-10, Александр Иванович принимал непосредственное участие в разработке проектов и авторском надзоре таких крупных объектов, как суконная фабрика в Минске, Брестская ковровая фабрика, Уфимский хлопчатобумажный комбинат, а также в проектировании второй очереди здания ГПИ-10 на улице Железной дивизии. Выйдя на пенсию, он многие годы оставался членом градостроительного совета и экспертом многих проектов. И сейчас, по прошествии уже немалых лет, все общавшиеся с ним хранят самую тёплую и светлую память об этом мудром, талантливым и необычайно скромном человеке.

Лев Нецветаев